

А.В. Демченко

В ЛАБОРАТОРИИ В 1988-1995 ГОДАХ

Интерес к химии у меня проснулся сравнительно поздно, как и вообще интерес к наукам, которого не было вплоть до последнего класса средней школы. Я уже начал готовить себя к карьере военного, но знакомство с органической химией в начале десятого класса повернуло мою судьбу. При поступлении в МГУ я не добрал 0,5 балла и поэтому очутился в Менделеевском институте на специальности «технология основного органического и нефтехимического синтеза». В то время мои понятия об органической химии были весьма туманные, и, конечно же, как и многие, я очень мало знал об углеводах и тем более о химии углеводов. Не приумножились мои почти нулевые знания в этой области и к окончанию института.

Пришло время защиты инженерного диплома и распределения будущих инженеров-химиков на работу в различные НИИ и на заводы. Среди всевозможных вакансий было одно место стажера-исследователя в ИОХ, в лабораторию В.А. Пономаренко. Слухи ходили разные и о лаборатории, и об институте в целом, но толком никто ничего не знал. Так как я всегда мечтал заняться именно органической химией и душа у меня лежала к академическим исследованиям, а никак не к работе в промышленности, мой интерес к этой должности был вполне понятен.

Моя мама тонко охарактеризовала ситуацию как «пойти туда не знаю куда» и, проявив настойчивость, через дальних родственников и их коллег вышла на В.А. Деревицкую, которая была профессором в ИОХ. Она согласилась встретиться со мной, рассказать немного и показать Институт. Это меня очень обрадовало, так как к тому времени я знал об ИОХ только то, что там работает

профессор Пономаренко, тоже выпускник Менделеевского, у которого есть место стажера-исследователя. В.А. любезно встретила меня и довольно долго беседовала со мной, вероятно, отвечая на мои многочисленные вопросы. Провела она меня также по зданиям Института, но, насколько я помню, в лаборатории мы не заходили.

От В.А. я узнал, что она является зам. зав. лабораторией Н.К. Кочеткова, академика и директора ИОХ. И уже в тот момент у меня возникло какое-то необычное чувство по отношению к Н.К. Не то чтобы я никогда академиков в глаза не видел, нет, академики были даже и в Менделеевском – Ягодин, Кафаров, но с именем Кочеткова как-то сразу проассоциировалось что-то великое. Видимо было что-то особенное в том, как В.А. говорила о нем. Поэтому можно себе представить, что у меня произошло в душе в тот момент, когда В.А. спросила у меня, не хотелось бы мне лично познакомиться с Н.К. Первым позывом у меня было даже не сказать «нет», а просто развернуться и убежать подальше. Мой испуг в глазах и оштолбенение были истолкованы как горячее желание познакомиться с Шефом, и В.А. повела меня в директорский кабинет.

Как выяснилось, Н.К. только что вернулся из заграникомандировки, и в его отсутствие накопилась целая куча срочных дел. Так что Шеф целый день сидел у себя в кабинете, разбирал и подписывал бумаги. Об этом нам было прямо заявлено референтом, чему я

несказанно обрадовался и уже повернул было назад, но В.А. меня вовремя попридержала. Тогда я, конечно, не мог знать, что при том положении, какое она занимала в лаборатории, она была вхожа в кабинет к Шефу практически при любых обстоятельствах.

И вот я в кабинете. Сам кабинет на меня не произвел такого уж огромного впечатления, хотя мне показалось, что он больше похож на актовый зал, чем на кабинет. Все мое внимание сосредоточилось на Человеке, который сидел за столом в самой глубине кабинета и что-то, не отрываясь, писал. Прошла целая вечность, минута или две, точно не помню, и я успел осознать, что, несмотря на все сложившиеся обстоятельства, я еще жив, но самое страшное, наверное, еще впереди. Вдруг этот человек вскакивает, быстро обходит стол и уже подходит ко мне с широкой, располагающей улыбкой и протянутой рукой. Эта предрасположенность была очень кстати, так как к этому времени я уже заметил на его груди сверкающую звезду Героя, что при более формальном приеме добило бы меня окончательно.

Шеф: Ну, Варвара Андреевна, кого вы к нам привели?

В.А.: Я встретила с этим молодым человеком из Менделеевского, чтобы показать ему ИОХ; он, наверное, будет сюда распределяться.

Шеф: У нас много народу работает из Менделеевского. Распределяться, говорите? А в какую лабораторию?

В.А.: К Пономаренко.

Шеф: А зачем ему идти к Пономаренко, у нас что, нет мест в лаборатории?

В.А.: Есть и даже несколько: и синтетикам – Климову-Малышевой, – и структурщикам – Книрелю – нужен человек.

Шеф (ко мне): Ну, и чем бы вы хотели заниматься – синтезом или структурой?

Меня этот разговор несколько успокоил, и я даже вместо одного слова выдал целую фразу, как потом выяснилось, не совсем к месту. Конечно, я хотел бы заниматься синтезом, какой вопрос, но, по моим тогдашним представлениям, вся химия начиналась с синтеза, а заканчивалась исследованием структуры синтезированного вещества. О том, что можно выделять природные соединения и устанавливать их структуру независимо от синтеза, я понятия не имел. Поэтому я выпалил: «Я бы хотел заниматься первой, самой важной частью проекта – синтезом». Тем не менее мой ответ Шефа удовлетворил, и он сказал: «Распределяйтесь-ка ко мне, а чтобы вы не угодили к Пономаренко, пусть на распределении напишут «в распоряжение дирекции». И приходите к нам делать диплом».

На следующий день на распределении все прошло удачно, хотя на нем присутствовал сам Пономаренко, который сначала и слушать ничего не хотел, и не верил мне, что я, дескать, договорился насчет распределения с самим Шефом. Оказывается, он еще не знал, что Н.К. уже вернулся из командировки. Пономаренко успокоился только тогда, когда один из студентов моей группы распределился к нему. Уже после распределения мне предложили остаться на кафедре – лестно, что и говорить, но я не мог согласиться, уже дав слово Н.К., что буду работать у него. Не знаю в отместку за это или нет, но на диплом в ИОХ меня не отпустили, сказав: «А какой у нас на кафедре может быть интерес к углеводам?».

О своем выборе я никогда не пожалел, хотя поначалу было тяжело. Придя в 1988 г. в лабораторию, я быстро понял, что не только углеводную химию, но даже свою любимую органическую химию я так толком и не выучил. В Менделеевском, как в любом техническом ВУЗе, акцент делался на подготовку инженеров, поэтому после органической химии на II курсе практически вся остальная химия была промышленная, где самое главное было просчитать толщину стенок реактора, чтобы весь завод не взлетел на воздух.

Однако в Лаборатории я встретился с очень дружеской атмосферой. Тогда еще было много молодежи, и, хотя большинство было выпускниками МГУ с очень сильной химической подготовкой, никто меня ни разу не попрекнул моим невежеством в химии.

В первые годы в Лаборатории, когда мне пришлось и учиться, и переучиваться, огромную роль в моем становлении как ученого сыграли Е.М. Климов и Н.Н. Малышева, с которыми я непосредственно работал, а также, конечно, сам Шеф, который приходил в нашу комнату, как всем казалось, намного чаще, чем в другие. Да и как же могло быть иначе, если климовская группа считалась личной кочетковской синтетической группой! Н.К. заходил к нам каждый день, а то и по нескольку раз в день. Всегда спрашивал, есть ли что-нибудь сносшибающее? Если в ответ слышал жалобу, что ничего, дескать, не получается, то от него можно было либо получить дельный совет, либо услышать отеческое: «Да, химия – печальная наука...».

Вскоре после начала моей работы Шеф предложил нам попытаться использовать тиоцианатные производные в качестве доноров

для гликозирования. Идея оказалась плодотворной, и это направление стало темой моей кандидатской диссертации. Работа шла так весело, что за пять лет по этой тематике было опубликовано 13 статей. И вообще все шло для меня прекрасно. Именно благодаря частому общению с Шефом и в научном, и в быденном плане, мои отношения с ним тогда стали мне казаться несколько менее формальными, чем у многих других коллег моего поколения и даже старших, долгие знакомых с Н.К. Я объяснял это тем, что они контактировали с Шефом, в основном, через своих руководителей групп, и им не удавалось пообщаться с ним непосредственно. Помимо химии, мы с Н.К. практически каждый день обсуждали футбольные матчи. Забавно вспоминать, что когда подобные разговоры заводились при свидетелях, многих просто шокировало, как это такой малец может запросто разносить любимый шефский «Спартак».

Н.Н. Малышева

Е.М. Климов (1939-1994)

Когда в начале 1990-х годов стало ясно, что работать как прежде уже не получается – не стало многих реактивов, а растворители поставлялись очень низкого качества, многие, распрощавшись с Шефом, уехали работать за границу. Кто безвозвратно, а кто, если и возвращался, то уже не в Лабораторию. Мне всегда хотелось съездить куда-нибудь на годик поработать пост-доком – и себя показать, и научиться чему-нибудь новому, и подзаработать. Что и говорить, денег ученым никогда много не платили, а в 1990-х годах их стало не хватать даже просто для выживания. Пример Шефа, который начал углеводную тематику после своей поездки в Англию, всегда стоял перед глазами. Единственное, что меня беспокоило, это то, что практически все, кто уезжал, более или

менее резко порывали с Н.К., а на это я не мог пойти. Мне и тогда казалось, и сейчас кажется, что Шефу мы обязаны очень и очень многим.

Настали тяжелые времена – не стало Климова, молодежь, если и приходила в Лабораторию, то тут же быстро исчезала. На все это было очень печально смотреть. Мы с Шефом договорились, что я поработаю в Лаборатории 2-3 года после защиты. Договор я выполнил, хотя в научном плане эти 2,5 года были практически потеряны, так как большая часть времени тратилась на очистку растворителей и подработку, причем большинство заработанных денег уходило на покупку реактивов. Поэтому, когда в 1995 г. подвернулась возможность поехать в Англию, а эта страна была моим первым выбором, благодаря рассказам Н.К., а также Климова и Малышевой, которые там тоже бывали, у Шефа никаких возражений не было. А может быть он уже просто смирился со всем...

А.В. Демченко и Н.К. Кочетков. Бирмингем. 1996 г.

Уехав в Англию, я очень тосковал по Лаборатории, и при первой же возможности уговорил моего нового шефа Бунса пригласить Н.К. в Бирмингем прочитать лекцию. Встреча в Бирмингеме была последней. Н.К. было уже за 80, и ездить за границу, особенно в одиночку, стало ему тяжело. Но и тогда у него сохранилось его поразительное видение химии, причем не только углеводной, и удивительно прозорливый взгляд в будущее. Как-то в середине 1990-х годов Шеф упомянул в разговоре со мной, что каталитические антитела – это будущее синтетической химии. Он тогда как раз, видимо, задумал свой обзор по этой теме, который вышел несколько позднее. И только теперь, много лет спустя, я понимаю, насколько его необыкновенный мозг был способен опережать действительность. Неудивительно, что многие работы Н.К., даже из раннего периода, до сих пор активно цитируются, а методы, разработанные в Лаборатории, нашли широкое применение в химии углеводов и других областях органической химии.

Сент Луис, США, 30.03.2008 г.